

ВИКТОР БРЮХОВЕЦКИЙ

НЕ СУЖУ,
ДА НЕ БУДУ СУДИМЫМ

* * *

...И постучишься в дверь. И не спеша
Войдешь в мой дом и грустно улыбнешься.
Рукою бережно волос моих коснешься.
И нежностью наполнится душа.

И спросишь, словно о своем скорбя:
“Ну, как ты жил один все эти годы?”
“А я не жил. Я просто ждал тебя,
Как вечный пленник ждет глоток свободы”.

* * *

Все будет так и не иначе:
Автобус рейсовый в пыли,
Мелькающие стекла дачек,
И домик — на краю земли.
И сад, антоновкой пропахший,

БРЮХОВЕЦКИЙ Виктор Васильевич — известный русский поэт, автор нескольких стихотворных книг. Живет в поселке Кузьмолово Ленинградской области.

И два окошка (на восток),
И небосклон, звездой упавшей
Прочерченный наискосок,
И речка тихая, и мостик,
Воткнувший ноги в водоём.
И никого не будет в гости —
Лишь мы счастливые вдвоем...
С прекрасной верою в удачу,
И в то, что счастье — навсегда...
Все будет так и не иначе.
Ты только согласись — туда.

* * *

Воротишься — а жизнь уже прошла.
Хоромы те ж, из рыжего самана.
Откроет Пенелопа зеркала,
И Телемак наполнит три стакана.

Спасибо, помнит. И на том — добро.
Не позабыл, не потерял во мраке.
И помолчим, и обожжем нутро...
А что под водку было там, в Итаке,

Уже не вспомнить... Хлебушек да соль —
Моей России добрая примета.
О, родина, какая это боль —
Всё понимать и на найти ответа.

И мучиться, оглядывая, как
На новый шторм у свежего прибоя
Настраивает парус Телемак,
И напевает что-то золотое.

* * *

Однажды вернусь. Я обязан вернуться
Туда, где деревья под ливнями гнутся,
Где старая лодка у синего плеса
Гниет в камышах, где я мазал колеса
Разбитой телеги пахучим тавотом,
Где серая птица гордится болотом,
Где бродят в обнимку поверья и сказки,
Где ныла спина от ремня и указки,
Где батя учил меня зло и толково,
Что нету на свете другого такого
Весеннего неба, осеннего пала,
Где тысячу лет проживи — и все мало!

* * *

В мире этом кривом и убогом
Мне отпущено Господом Богом
Пять десятков, а может быть, шесть.
Я живу, причащаюсь словами,
На еду добываю делами,
Неподсуден, судим ли — Бог весть.

Я встаю до зари с петухами,
Закрываю тетрадь со стихами,
Чтобы вечером снова раскрыть.
Плащ набросив небрежно, как тогу,
Я потом выхожу на дорогу,
Чтоб куда-то спешить и спешить.

Мимо окон и старого сквера,
Мимо бабушки с именем Вера,
Мимо деда с кликухой Кашей,
Мимо урны — от ветра? — упавшей,
Мимо площади, пивом пропахшей,
Мимо синих друзей-алкашей.

Не сужу. Да не буду судимым,
Потому что — не хлебом единым!
Пиво тоже кому-то еда.
Я иду и иду по дороге,
Устают и не слушают ноги,
И ведут неизвестно куда.

День за днем, год за годом, по кругу.
Я до мелочи знаю округу,
Я завод заучил наизусть.
Жизнь моя, моя боль и отравы!
Все едино — налево ль, направо:
Что ни клин, то библейская грусть.

Я вступаю в ненужные споры,
Я считаю, что выстрел “Авроры”
Не такая большая беда.
Ну, подумаешь, парни пальнули.
Почему б не пальнуть, коль гульнули,
Жаль, осколки летят сквозь года.

Видно, мне и досталось металла
От снаряда того, и устало
Сердце тикает службу свою,
Потому что подточено ржою.
С этой примесью горькой, чужою
Как высокую песнь пропою?

Вот не знаю. Пою и не знаю.
Каждые вечер тетрадь открываю.
Гляну в зеркало — радость в глазах.
Почему ж, до зари просыпаясь,
Оправляя постель, удивляюсь —
Отчего вся подушка в слезах...

УМЕРШАЯ ДЕРЕВНЯ

Подворья зверем взрытые,
Повсюду стекла битые,
И ни дымка, ни запаха, ни голоса, ни слёз;
Работы наспех кинуты,
Ограды набок сдвинуты,
И что ни ветер — с запада, что ни пурга — всерьез.

Такая вот идиллия.
Не плача от бессилия,
Проверю сани — ладны ли, подпругу подтяну.
Пилой кривою светится
Ломоть кривого месяца!
Всю осень сосны падали, разделаю одну.

Скрипи, рыдай, воротина!
Не погибать же, родина,
Под вихрями холодными, что ворожит зима!
Звенит кольцо, печалится,
В лесах январь кончается,
Набив снегами плотными России закрома.

Везет лошадка дровенки,
Блестящие хреновинки
Из-под полозьев россыпью расцветчивают тьму...
Лежит сосна, повалена.
Вот каторга для каина!
А я не каин, Господи, но каторгу приму.

Пила моя певучая,
Рука моя могучая,
Я чурбаны корявые катаю, как хочу.
Поскрипывают дровешки.
Гуляют волны кровушки,
И пар восходит кольцами, и горе по плечу.